

DOI: 10.20913/2618-7515-2025-1-3
УДК 141.3

Оригинальная научная статья

Об инструментальном значении коммуникации

А. П. Сегал

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: segal.ap@philos.msu.ru*

Ли Вэньтай

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: 2810989141@QQ.com*

Аннотация. *Введение.* Для современных исследований характерны разнообразные, часто противоречивые, интерпретации процесса коммуникации и необычайное терминологическое разнообразие. Это касается в том числе интерпретации инструментальных характеристик коммуникации. *Постановка задачи.* Задачей исследования становится рассмотрение коммуникации как инструмента познания и как инструмента преобразования интегративно понятой окружающей среды. *Методика и методология исследования.* В статье рассматриваются коммуникации с точки зрения исследования их инструментальных характеристик. Авторы считают, что единство и противоречие коммуникации с производственными отношениями проявляется именно в инструментальном характере коммуникации. Рассматривая коммуникацию в рамках такой методологии, мы увидим возможность и необходимость изменения подходов к исследованию коммуникации. По мнению авторов, инструментальный характер коммуникации наилучшим образом раскрывается в контексте разделения труда (производства). *Результаты.* Авторы рассматривают процесс становления коммуникаций в логическом аспекте и приходят от простейшего природного отношения к специфически человеческому через рассмотрение целесообразной деятельности (труда) и ее разделения. Примененный авторами подход позволяет определить границу использования концепта «коммуникация», которая обнаруживается при переходе от рассмотрения технологического разделения труда к рассмотрению общественного разделения производства. Авторы находят историко-философскую аналогию описываемого процесса в ранних работах К. Маркса, где присутствовал концепт «отношения общения», позже трансформировавшийся в понятие производительных сил. *Выводы.* Функции коммуникации определяются как согласование целей (результатов, продуктов) технологически разделенных трудовых процессов, что означает их соединение. Однако при выделении управления в отдельный трудовой процесс цель может не согласовываться с исполнителем. При переходе же на уровень всего общества мы уже не говорим об инструментальной характеристике коммуникаций, поскольку на уровне всего общества согласование или противопоставление интересов происходит в форме идеологии.

Ключевые слова: коммуникация, общество, природа, социальное конструирование, целеполагание, разделение труда

Ли Вэньтай выражает благодарность за поддержку программы Китайского совета по стипендиям (CSC) (Идентификатор проекта: 202208090487).

Для цитирования: Сегал А. П., Ли Вэньтай. Об инструментальном значении коммуникации // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15, № 1. С. 19–29. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-1-3>

DOI: 10. 20913/2618-7515-2025-1-3

Full Article

On the instrumental meaning of communication

Segal, A. P.

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
e-mail: segal.ap@philos.msu.ru*

Li Wentai

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
e-mail: 2810989141@QQ.com*

Abstract. *Introduction.* Modern research is characterized by diverse, often contradictory, interpretations of the communication process and an extraordinary variety of terminology. This applies, among other things, to the interpretation of instrumental characteristics of communication. *Purpose setting.* The task of the research is to consider communication as a tool of cognition and as a tool for the transformation of an integratively understood environment. *Methodology and methods of the study.* The article examines communications from the point of view of studying their instrumental characteristics. The authors believe that the unity and contradiction of communication with industrial relations is manifested precisely in the instrumental nature of communication. Considering communication within the framework of such a methodology, we will see the possibility and necessity of changing approaches to communication research. According to the authors, the instrumental nature of communication is best revealed in the context of the division of labor (production). *Results.* The authors consider the process of communication formation in a logical aspect and come from the simplest natural attitude to a specifically human one through consideration of expedient activity (labor) and its division. The approach used by the authors allows us to define the boundary of the concept of «communication», which is revealed during the transition from the consideration of the technological division of labor to the consideration of the social division of production. The authors find a historical and philosophical analogy of the described process in the early works of K. Marx, where the concept of «communication relations» was present, which later transformed into the concept of productive forces. *Conclusion.* Communication functions are defined as the coordination of goals (results, products) of technologically separated labor processes, which means their connection. However, when separating management into a separate work process, the goal may not be agreed with the performer. When we move to the level of the whole society, we are no longer talking about the instrumental characteristics of communications, since at the level of the whole society, the coordination or opposition of interests occurs in the form of ideology.

Keywords: communication, society, nature, social designing, goal setting, division of labor

Li Wentai gratefully acknowledges the support provided by the China Scholarship Council (CSC) (Project Identification: 202208090487)

Citation: Segal, A. P., Li Wentai [On the instrumental meaning of communication]. *Professional education in the modern world*, 2025, vol. 15, no. 1, pp. 19–29. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-1-3>

Введение. Исследования коммуникации, опирающиеся на коммуникацию саму по себе, рассматривают ее как отдельную субстанцию человеческого существования, дифференцируя ее форму и сущность. Например, представляя теорию «зеркального я», Ч. Кули утверждал: «Такого рода идея я, по-видимому, включает три основных элемента: представление о том, как мы выглядим в глазах другого человека; представление о том, как он судит об этом нашем образе, и некое чувство я, вроде гордости или стыда... Для нашего чувства я большое значение имеют характер и авторитет того человека, в чьем сознании мы себя видим.

Мы стыдимся показаться лживыми в глазах человека прямого и честного, трусливыми в глазах смелого, вульгарными в глазах утонченного и т. д. Мы всегда представляем себе суждения других и, представляя, разделяем их. Перед кем-то одним человек будет хвастаться своим поступком, скажем, ловкой торговой сделкой, а перед кем-то другим ему будет стыдно в нем сознаться» [1, р. 136]. Такая позиция оказывается облегченной версией гегелевского представления о самосознании, которое «живет» в воле господина, и раб, выполняя хозяйский приказ, осуществляет *деятельность*, но при этом создание предмета не есть его цель.

«...Собственный смысл (*der eigene Sinn*) есть *своенравие* (*Eigensinn*), свобода, которая остается еще внутри рабства» [2, р. 106].

Стоит также вспомнить размышления Джона Дьюи о том, что именно совместное *пользование* информацией соединяет человека с другими людьми, в то время как *интересы* других для него безразличны. Он рассматривал коммуникацию как некоторую субстанцию, находящуюся в нашем мире: «Символы находятся в зависимости от коммуникации и одновременно являются средствами развития коммуникации. Результаты совместной деятельности анализируются и сообщаются другим. Сами события не поддаются подобной передаче, смыслы же можно передавать при помощи знаков. Таким образом, [индивидуальные] желания и импульсы обретают общий для всех смысл, будучи преобразованы в устремления и цели, которые являются носителями обычных, общепонятных смыслов и потому олицетворяют новый тип отношений, трансформирующий совместную деятельность в сообщество интересов и начинающих» [3, р. 112].

С этим утверждением можно отчасти согласиться, поскольку символы есть первое отрицание наглядно-образных репрезентаций. «Наглядно-образные репрезентации вещей и событий полностью не исчезают из состава человеческого мышления, сохраняются в нем в снятом виде..., – писал В. А. Вазюлин. – Но вместе с тем рассудочное мышление с образованием речи приобретает и новую форму: оно отделяется от непосредственной связи с чувствами и осуществляется в символах и при помощи символов. Речь образуется как продукт социального общения... Язык, речь позволяют осуществить рефлекссию над собой и окружающей природой» [4, р. 176].

Теперь смыслы передаются в соответствии с рефлексией *других* людей, то есть смыслы получаются от того, что человек исходит из собственных потребностей, познает смыслы единичного (своего), но коммуникация зависит от *совместной* деятельности, а приобретение одного и того же, общего значения может быть основано только на отрицании единичного.

С чем же связаны разнообразные, часто противоречивые, интерпретации процесса коммуникации и поразительное терминологическое разнообразие? И это при том, что коммуникативные процессы на сегодня развились необычайно – как с точки зрения структуры, так и с точки зрения инструментария. Почему же богатый эмпирический материал, причем проверенный на практике, не привел к формированию конвенционального тезауруса и общего понимания процесса коммуникации? Приведенные выше рассуждения подталкивают к выводу о недостаточной разра-

ботанности *метода* исследования. «В случае, если предмет исследования достаточно созрел, но еще не сложился метод, ...сам исследователь в качестве предмета своего исследования рассматривает поверхность» [5, р. 160].

Уилбур Шрамм, один из столпов американской коммуникативистики, сравнивал возникновение современных коммуникаций с олимпийскими соревнованиями по прыжкам в высоту – но с невероятно длинным разбегом: «...По сравнению с величайшими олимпийскими прыжками в высоту этот скачок – от бактерий, перерабатывающих информацию, какими мы видим их в чашке Петри, к животным, способным к двусторонней коммуникации посредством органов чувств, центральной нервной системы и мускулатуры, – потребовал сотен миллионов лет разбега по гаревой дорожке [эволюции]» [6, р. 680]. Иными словами, У. Шрамм – и с ним трудно не согласиться – рассматривает коммуникацию в ее современном, зрелом виде как *становившийся* и *ставший* процесс, свойственный человеку, причем человеку современному, развитие которого *достигло* определенной ступени. Следовательно, вопрос о методологии исследования современной коммуникации актуализировался как никогда.

Постановка задачи. Задачей нашего исследования становится рассмотрение коммуникации как инструмента познания и как инструмента преобразования интегративно понятой окружающей среды.

Методика и методология исследования. Окружающую среду мы будем рассматривать как совокупность материальных, духовных, а также природных условий существования и развития человека, общества, то есть то, что окружает именно человека, субъекта, и соотносится с ним и с его целесообразной деятельностью. Это не только и не столько «естественная среда обитания человека, животных, растений» [7, р. 680], но в первую очередь именно социальная среда, поле активности *субъекта*. Здесь стоит заметить, что радикальные защитники окружающей среды отождествляют последнюю исключительно с природой и таким образом рассматривают человека в отделенном от нее состоянии. Иными словами, мы имеем в их позиции «новую робинзонаду», одинокого индивида перед лицом природы – банальную буржуазную позицию общества как «совокупности изолированных индивидов». Парадоксальным образом это либеральное течение эпигонствует одной из сторон дискуссии о составе производительных сил, развернувшейся в СССР в 1981 г. на страницах журнала «Вопросы философии» [8–11], но начавшейся еще в 70-е гг. Речь шла в первую очередь о том, включать или не включать в состав производительных сил

предмет труда, то есть природный объект, не подвергшийся или минимально подвергшийся обработке. Ю. К. Плетников писал еще в 1977 г., что производительные силы выражают *отношение* общества к природе и в принципе не могут охватывать те моменты процесса производства, которые стоят на стороне природы. По его мнению, производительные силы представляют собой *преобразующую* силу процесса производства, а сырье и материалы – *преобразуемые* стороны этого процесса [12, р. 237; 13, р. 202].

В нашей статье мы предполагаем рассмотреть коммуникацию именно в ее инструментальном, орудийном аспекте. Иными словами, мы должны ответить на вопрос: «В каком отношении коммуникация может быть рассмотрена как инструмент?» Но прежде придется найти ответ на еще один вопрос, встающий перед *любым* автором: «С чего *начать* описание предмета/объекта?» И это, пожалуй, самое сложное в любом исследовании и любом *изложении*. Неслучайно в открытии первой книги «Науки логики» («Учение о бытии») Гегель поставил раздел «С чего следует начинать науку?». По его мнению, изложение научного знания (последнее у него тождественно истории предмета) следует начинать с простейшего отношения: «То, с чего начинают, самое начало, ... должно брать в его простой, незаполненной непосредственности, следовательно, как *бытие*, как то, что совершенно пусто» [14, р. 132]. И тут же, понимая, что с точки зрения «здорового смысла» последовательное, пошаговое разворачивание категориального строя выглядит чрезмерно скучным и даже излишним, он специально замечает: «Если кто-то выведенный из терпения рассматриванием абстрактного начала скажет, что нужно начинать не с начала, а прямо с самой *сущи*, то [мы на это ответим], что сущь эта не что иное, как указанное пустое бытие, ибо что такое сущь, это должно выясниться именно только в ходе самой науки и не может предполагаться известным до нее. ... Тем, кто остается недовольным этим началом, мы предлагаем самим взяться за решение этой задачи: пусть попробуют начинать как-нибудь иначе, чтобы при этом избежать этих недостатков» [14, р. 133]. Заметим, что вслед за Гегелем мы рассматриваем именно «*логическое* начало», однако исходим из того, что оно не «сделано в стихии свободно для себя сущего мышления, в *чистом знании*» [14, р. 125], как его брал Гегель, но есть рефлексия уже *состоявшегося* исследовательского процесса.

Итак, если мы начнем присматриваться к коммуникации, то в первую очередь должны будем

отметить вполне очевидный факт: сама по себе, в отрыве от коммуницирующих индивидов, коммуникация не существует. Человеческое общество в своей *непосредственной данности* предстает как *совокупность* человеческих индивидов, а рассмотрение *коммуникации* по умолчанию предполагает, что это не «*изолированные* индивиды». Коммуникация между индивидами, взятыми в этом простейшем отношении, естественно, касается а) поддержания существования *индивидов*; б) поддержания существования *биологического вида*, – то есть и то, и другое представляет собой удовлетворение комплекса *телесных потребностей*.

Удовлетворение потребностей индивида, являющихся основой его индивидуального существования, самоценно *для вида* и тождественно поддержанию *существования вида*, но лишь до момента появления на свет следующего поколения. С этого момента огромное значение для рода приобретает *обучение индивидов младшего поколения* навыкам и способам поддержания *индивидуального существования* (и существования рода). В *онтогенезе* же индивида межпоколенческая коммуникация, в ходе которой старшее поколение осуществляет его подготовку и обучает его, является, безусловно, первой формой коммуникации.

Однако такая форма коммуникации характерна и для многих высокоразвитых животных. В чем же особенность коммуникации между *человеком-учителем* и *человеком-учеником*? Она определяется особенностью человеческого взаимодействия с окружающей средой. До сего времени можно часто встретить старую, предложенную еще Б. Франклином¹ характеристику человека как «животного, делающего орудия» («*tool-making animal*») [16, р. 190–191]. И если бы эта характеристика была исчерпывающей, то можно было бы закрыть нашу тему констатацией того, что специфически человеческая коммуникация возникает как коммуникация по поводу орудий, средств, с помощью которых природный предмет *изымается* из природной среды для дальнейшего потребления. Однако в исследованиях этологов и зоологов уже давно описаны факты использования орудий животными.

Родовое отличие человека от всех других животных заключается в присущей лишь ему способности с помощью орудий *изменять природную форму* предметов, делая их пригодными для потребления. Иными словами, человек начинает *производить* – сначала предметы потребления, а затем и сами орудия производства. «Взаимодействие человека с природой в специфически

² Бенджамин Франклин (1706–1790) – выдающийся американский политический деятель и дипломат, буржуазный демократ, участник войны за независимость в Северной Америке; крупный ученый, физик и экономист.

человеческой форме выступает... с двух сторон: со стороны участия в нем человека, использования органов его тела и со стороны внутреннего единства с потреблением, то есть со стороны созидания предметов потребления, со стороны результата воздействия. С первой из названных сторон *одно и то же* взаимодействие человека с природой есть *труд*, со второй – *производство*. Это – одно и то же, но с разных сторон» [15, р. 70].

Человек обучает следующие поколения навыкам именно *производства* как средства обеспечения воспроизводства биологического вида. В процессе коммуникации с учителем ученик обучается *труду*, поскольку именно труд является специфической формой воздействия на природу, характерной для человека. Таким образом, мы приходим к тезису о труде как родовой *сущности* человека.

Переход к специальному рассмотрению труда позволяет определить его как «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой» [16, р. 188], и определить «простые моменты процесса труда...: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» [16, р. 189]. *Целесообразность*, то есть соответствие процесса и результата труда поставленной цели, выступает *системообразующим признаком* труда. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [16, р. 189].

Существуют различные мнения относительно того, исчерпывает ли труд все виды целесообразной деятельности. Например, К. Х. Момджян, утверждая, что целесообразность является атрибутом *любой* деятельности [17, р. 363], фактически предлагает понимание труда как универсального явления, которое проявляется в различных формах: от ремесла до искусства и науки. Это расширяет рамки понимания труда и подчеркивает его значимость в самых разных аспектах человеческой жизни. А. Шюц, разделяя термины «действие» и «акт», предлагал структурированный подход к анализу трудовой деятельности [18, р. 134]. «Действие» как продуманное поведение акцентирует внимание на процессе планирования и реализации, тогда как «акт» фиксирует конеч-

ный результат. Такое различие позволяет глубже понять путь труда от замысла до реализации цели. Тем не менее в любом случае – и при классической, и при расширительной трактовке – целесообразной *деятельности* тезис о целесообразности *труда* не вызывает возражений.

Процесс становления труда, по существу, представляет собой процесс формирования цели – и в онтогенезе, и в филогенезе. Ergo формирование процесса целеполагания в онтогенезе научение целеполаганию есть формирование субъекта. Таким образом, процесс обучения трудовым навыкам, в какой бы области они ни применялись, есть процесс формирования способности к целеполаганию, формулировке цели и целедостижению – то есть формирования субъекта (субъектности). Вряд ли стоит доказывать, что только человек обладает качествами, позволяющими осуществлять постановку цели: речью и сознанием. Сформированная у ученика способность к целеполаганию делает его полноценным участником процесса целесообразной деятельности, при этом коммуникация с учителем, происходившая в процессе обучения, сворачивается (интериоризуется) до состояния «внутренней речи» (исследование П. Я. Гальпериным процесса поэтапного формирования умственной деятельности – ПФУД) [19].

Говоря иначе, когда человек обучен постановке цели и ставит ее *себе сам*, имеет место процесс так называемой «внутренней» коммуникации, или внутриличностный информационный процесс. Очень часто его изображают как основание так называемой пирамиды коммуникации. И это есть не что иное, как мышление. Стоит напомнить: М. М. Бахтин, исследуя тексты Достоевского, высказал мысль о том, что диалоги персонажей романа «Преступление и наказание» являются собой *внутренний диалог*, диалогическое мышление, коммуникацию человека с самим собой или представляемым другим. Он писал: «Самосознание героя у Достоевского сплошь диалогизовано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему... И изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно, лишь изображая общение его с другим. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и "человек в человеке", как для других, так и для себя самого» [20, р. 280].

Эта идея была подхвачена и развита В. С. Библером в его концепции «диалогики» [21]. Библер, по его собственному выражению, выдвинул «предположение о логике творческой мысли как о логике внутреннего диалога» [21, р. 158], он рассматривал мышление как *коммуникацию с самим собой* относительно цели и процесса ее достижения.

В этом же смысле интересно посмотреть на становление целеполагания в *филогенезе*. Здесь мы опираемся на размышления Б. Ф. Поршнева, акцентировавшего внимание на том, что орудия нижнего и среднего палеолита (вплоть до мустье), то есть на протяжении не менее чем 50 000 поколений, «говорят о полной автоматизированности действий при их изготовлении... Изготовление того или иного набора этих палеолитических камней было продуктом автоматической имитации соответствующих комплексов движений, протекавшей внутри той или иной популяции... Медленные спонтанные сдвиги в этой предчеловеческой технике вполне укладываются в рамки наблюдений современной экологии и этологии над животными» [22, р. 118].

Б. Ф. Поршнева отмечал существенное отличие такого рода деятельности от зрелого человеческого труда: что у высших животных «иногда наблюдается своеобразная *утеря связи этой инстинктивной деятельности с конечной целью* (курсив наш. – А. С., Л. В.): например, бобры подчас валят гораздо больше деревьев, чем им нужно, и оставляют их на месте. Можно думать, что этим объясняются и известные археологам скопления тысяч заготовленных, но, видимо, не использованных нижнепалеолитических каменных орудий» [22, р. 388]. В качестве примера он приводит россыпи чопперов и чоппингов (каменных голышей с односторонними и двусторонними сколами), обнаруженных экспедицией Дороти Гаррод на стоянке Эт-Табун в Палестине и семейством Лики в Олдувайском ущелье в Южной Африке, а затем и другими исследователями в различных регионах мира, в том числе на территории СССР. Их количество многократно превышало все мыслимые потребности в орудиях. Иначе говоря, связь процесса с целью проходила через длительное становление и закрепилась лишь с возникновением второй сигнальной системы, то есть речи.

При *специальном* рассмотрении человеческого способа взаимодействия с внешней средой выступают контуры *сознания*: *знание* об общих закономерностях, зафиксированное в устойчивой речевой форме в виде цели, и *сознание* единства с людьми, передающими это знание в процессе обучения конкретным приемам труда.

Заметим, что сформированная способность человека к целесообразной деятельности (и, добавим, потребность в ней, ибо без нее человек быстро деградирует) имеет конкретную форму, то есть требует *обучения* индивида *конкретным приемам труда*. Однако этот процесс формирования труда, потребности и цели имеет оборотную сторону. В ходе «конкретизации» и дифференциации процессов труда возможности универсальной деятельности индивидов сужаются.

Адам Смит был убежденным поборником рынка и апологетом его «невидимой руки», но еще и талантливым литератором. И он великолепно – честно и образно – живописует последствия того самого разделения труда, которое, по его мнению, есть основная причина богатства нации: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций... Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются. Он поэтому... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо... О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защищать свою страну во время войны. Однообразие неподвижной жизни... ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств» [23, р. 722]. К. Маркс в «Капитале» резюмирует наблюдения своего предшественника: «Обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами» [16, р. 374].

Тем не менее *разделение труда* между разными людьми происходит закономерно, и столь же закономерно формируется необходимость последующего *соединения* результатов их труда в качестве специально подготовленных компонентов последующего трудового процесса. Процесс разделения труда исторически восходит к животному царству и на первый взгляд может наблюдаться у многих видов: охрана мест кладки (у рыб и птиц), добыча корма и высиживание, обучение молодняка и охота. Однако здесь надо помнить, что сами процессы, которые делят между собою особи разного пола и возраста, *не являются трудом*. Подобного рода разделение можно рассма-

тривать как предпосылочные формы, – так же, как формы обучения у олудвайских *homo habilis*.

Очевидно, что на *возникновение* собственно разделения труда влияют в первую очередь внешние по отношению к самому процессу факторы. *Внешняя сторона разделения труда* определяется природными свойствами компонентов трудового процесса: а) особенностями *средств* и *предметов труда*, требующих воздействия двух и более человек; б) телесными и нейрофизиологическими характеристиками *людей труда*: пол, возраст, сила, быстрота протекания нервно-мышечных реакций и т.п. Соответственно, и *взаимоотношения* людей в таких процессах труда мы рассматриваем как непосредственно определяемые их отношением к *преобразуемым объектам*, то есть определяемые *внешними факторами*.

Внутренняя необходимость разделения и объединения людей в процессе труда формируется по мере его созревания и совершенствования. Повторение сложившихся процессов труда требует единообразия, универсальной формы компонентов. В итоге процессы труда по *созданию* предметов потребления и процессы по *подготовке* его компонентов и участников разделяются. Отдельными процессами становятся

- 1) подготовка максимально однородного *предмета* труда,
- 2) изготовление универсальных *средств* труда,
- 3) подготовка *человека* труда (в процесс включаются новые участники по мере выбытия старшего поколения).

В первых двух процессах объединение усилий может потребоваться, а может и нет. Но подготовка *человека* к процессу труда *всегда* требует объединения по крайней мере *двух* людей – обучающего и обучаемого. *Обучение* – это первое разделение труда, требующее *объединения* усилий *исходя из внутренней необходимости* самого процесса. Это *простая внутренняя связь* людей, представляющая собой и внутренне единство, и внутреннее различие участников процесса.

Напомним, что *с точки зрения простейшего отношения* обучение *навыкам* поддержания собственного существования – наивысшая форма *биологических* отношений индивидов, проявление жизни рода в жизни индивида. Теперь мы видим обучение, но уже с позиции приближения к сущности: обучение *специфически человеческим* способам поддержания существования (своего и рода). Здесь уже можно говорить о проявлении жизни *общества* в жизни человека *труда*.

В развитом процессе труда разделение людей по видам труда есть в то же время объединение вследствие *внутреннего единства* видов труда. Объединение, вытекающее из внутренней расчлененности процесса труда и ставшее *техниче-*

ски необходимым условием его осуществления, – самое глубокое основание объединения людей в труде. Внутренняя расчлененность процесса труда определяется как его разделением между различными людьми, так и выделением отдельных процессов подготовки его компонентов: создание средств труда, добыча или создание предметов труда, подготовка и обучение человека труда. Возникает необходимость «прилаживания» каждого из этих участков общего процесса друг к другу – и это происходит путем коммуникации по поводу цели: для включения в процесс общественного производства человек должен «договориться» о том, чем будет полезен его продукт в качестве компонента следующего процесса труда. Поэтому в технологическом отношении коммуникация есть инструмент *согласования* целей и средств, ибо цель предшествующего процесса труда есть средство или предмет последующего.

Управленческий труд. Еще более широкое внутреннее разделение труда – это такое разделение, «при котором особыми, разделенными процессами труда становятся постановка цели и ее реализация, более широкое уже потому, что отделение цели от реализации ее представляет собой отделение одного момента процесса труда от всех остальных» [15, р. 110]. Речь идет о выделении процесса *управления* – особого вида труда, объединяющего разрозненные, но внутренне связанные *целью* процессы труда отдельных исполнителей в рамках «совокупного работника» [16, р. 351]. Мы здесь рассматриваем управленческий труд в его *внешнем* различии внутри процесса труда, взятого в целом [24, pp. 45–46].

Однако, когда речь идет об общественном разделении труда и выделении управления как особого вида целесообразной деятельности, ситуация качественным образом меняется, она, можно сказать, переворачивается. Поскольку управленец обладает своего рода монополией на знание цели (он, собственно, «производит» цель как отдельный «продукт»), постольку все остальные от процесса целеполагания *объективно* отчуждены. Они, конечно, *могут* знать конечную цель разделенного и объединенного процесса труда, но это совсем не обязательно. Более того, для воспроизводства такого рода отчужденной ситуации требуется отдельный вид деятельности, предлагающий специальное объяснение целеполагания для исполнителей. Такое объяснение опосредует цель (интерес) управленца интересом исполнителя, причем оба они опосредованы денежной формой. Но если вспомнить, что прибыль (цель управленца) и издержки связаны обратной пропорцией, а заработная плата (цель исполнителя) есть вид издержек, то соотнести эти цели непротиворечивым образом весьма сложно, и тогда происходит

либо сокрытие цели, либо обман, либо подмена цели (что тоже есть форма обмана).

Мы не утверждаем, что это происходит с необходимостью, однако возможность такого ничем не ограничена, кроме соображений морали, а это уже другая дисциплинарная сфера. Мы же лишь констатируем, что коммуникация становится отдельным подвидом управленческого труда. Во-первых, она продолжает выполнять функцию донесения до исполнителя (агента) цели, поставленной управленцем (актером). Во-вторых, коммуникация есть инструмент обратной связи, используемый для сопоставления результата и цели, дабы оценить успешность процесса. Однако эти функции есть элементы технологического разделения труда. В то же время наличие описанных выше противоречивых интересов создает предпосылки специфического вида коммуникации, которая в лучшем случае представляет собой процесс согласования интересов, но чаще всего не лишена манипулятивного характера.

Более того, чтобы избежать возможных упреков в предвзятости и показать, что описанная ситуация рефлексирована управленческим персоналом (то есть осознанно воспроизводится), мы можем отослать читателя к публикации одного из авторов [25]. Там уже говорилось, что в середине прошлого века один из зачинателей «теории стратегического менеджмента» Питер Друкер (вариант транскрипции – Дракер) [26, р. 207; 27, р. 404] ввел термин «управление по целям», справедливо сделав акцент на цели как важнейшем структурообразующем элементе производства. Однако постановку цели и ее возможные изменения он отнес к *исключительному* праву руководителя. Работникам же (исполнителям) не полагалось интересоваться общей, стратегической целью корпорации. Пределом их компетенции было представление о поставленной перед ними конкретной задаче, которая выступает в качестве «цели-для-них». Более того, для формулировки такой «промежуточной цели» и донесения ее до исполнителя была предложена концепция «декомпозиции стратегических целей». Как следует из самого названия, общая, стратегическая цель расчленяется на ряд задач и доводится до исполнителя фрагментами. Основанная на ней коммуникация направлена на то, чтобы осознанно *не сообщать* об общей цели. Таким образом, коммуникация «по Друкеру» становится инструментом *сокрытия* цели.

В принципе, описанную конфигурацию инструментальных функций коммуникации довольно легко можно было бы масштабировать на все общество. Однако, на наш взгляд, это было бы ошибкой: то, что адекватно отражает процессы, происходящие в рамках одного производства, од-

ной корпорации или даже одной отрасли, не может быть «опрокинуто» на общество в целом, поскольку в рамках всего общества начинает «работать» принцип не технологического, а *общественного* разделения труда. В масштабах общественного производства разделение (и соединение) труда определяется отношениями собственности на средства и ergo на продукт *производства*. Собственно, речь идет уже не о разделении труда, а о разделении *производства* (см. выше): *кто* управляет производством и *кому* принадлежит результат. И здесь правильнее будет вести речь уже не о *коммуникации* в процессе производства, а о *производственных* (общественных) *отношениях*.

Результаты. Мы рассмотрели «сами по себе» коммуникации между людьми, представленными как индивиды, связанные пока еще «просто» технологической взаимозависимостью. Иначе говоря, мы совершили движение мысли, в снятом виде *воспроизводящее* исследовательский процесс в политэкономии и социальной философии второй половины XIX в., и пришли к результату, подобному тому, что получил К. Маркс к середине 1840-х гг.

В 1845 г., критикуя Л. Фейербаха, К. Маркс использовал понятие «чувственной предметной деятельности». В первом тезисе он пишет: «Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность» [28, р. 3]. Уже в это время Маркс подходит к человеческой деятельности как к чувственной и предметной, и она в его понимании есть *отношение* между природой и человеком, представляющее собой всеобщее в единстве с особенным и единичным. «Исучаемая (общественная) система возникает и существует на базе внешней по отношению к ней системы (отношения человека к природе)» [29, р. 78]. В процессе развития человеческая деятельность (труд) преобразует свою природную основу, становясь ведущим элементом в отношении с природой. Такое преобразование происходит в процессе отделения человека от своей природной основы, и этапы этого процесса представляют собой «этапы прогрессивного развития общественно-экономической формации» [30, р. 7–8]. Но к такому выводу К. Маркс пришел в конце 1850-х гг., а в середине 1840-х, в период написания «Тезисов о Фейербахе» и предшествовавших им «Экономическо-философских рукописей» (1844), он еще оперировал понятием «отчужденный труд» и не сформулировал понимание двойственного характера труда, рассматривая его как предметную деятельность вообще.

Соответственно, процесс труда и производства мыслился им еще в том виде, в котором позже он будет описан в пятой главе «Капитала» – как «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой» [16, р. 188]. И отношения между людьми как *участниками* процесса труда и *собственниками* результата процесса производства еще не были дифференцированы и сопоставлены в полной мере. Как отмечал Г. А. Багатурия, категория производственных отношений в 1845–1846 гг. еще не рассматривалась, и в «Немецкой идеологии» был использован концепт «формы/отношения общения» [31, pp. 4, 5, 9, 11–13], который продолжал использоваться вплоть до написания первоначального варианта «Капитала» – рукописей «Критики политической экономии» (1857–1858 гг.). Там он встречается не менее полутора десятков раз [32, pp. 102–104, 187, 394]. В частности, К. Маркс пишет о «материальных условиях производства и соответствующих им отношениях общения» [32, р. 103].

И только в «Капитале» окончательно закрепляется понятие «производственные отношения» как категориальная пара производительных сил. На наш взгляд, это знаменует переход от рассмотрения производства как такового к рассмотрению *капиталистического* производства, к взгляду на отношения («общение») людей в рамках всего общества через призму специфической формы

этого общества, экономической общественной формации.

Обозначенный переход довольно интересно описывается современными западными марксистами. Так, по Хабермасу, коммуникация обладает инструментальным значением, ибо «инструментальная рациональность действия измеряется по эффективному планированию применения средств исходя из наличных целей» [33, р. 52]. Цель, или интенция, уже определена внешним предметом. Следовательно, коммуникация при такой инструментальной рациональности лишь помогает *выбрать* средство для достижения цели, которая связана с внешним предметом и донесена до исполнителя. Иными словами, наблюдается обратный тренд: рассмотрение производственных отношений через призму «общения».

Итак, мы определили функции коммуникации как согласование целей (результатов, продуктов) технологически разделенных трудовых процессов, что означает их соединение. Мы выяснили, что при выделении управления в отдельный трудовой процесс цель может не согласовываться с исполнителем. При переходе на уровень всего общества мы уже не говорим об инструментальной характеристике коммуникаций, поскольку на уровне всего общества согласование или противопоставление интересов происходит в форме идеологии – а это уже предмет другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
2. Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа // Сочинения в 14 т. Т. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 440 с.
3. Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
4. Вазюлин В. А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания // Марксистско-ленинская диалектика. Книга 3: Диалектика процесса познания. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 173–197.
5. Сегал А. П. Диссертация Карла Маркса как исследовательский текст и как объект исследования. Предисловие к диссертации К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». М.: Прогресс-традиция, 2023. 296 с.
6. Schramm W., Porter W.E. Men, Women, Messages, and Media: Understanding Human Communication. New York: Harper & Row, 1982.
7. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС-ШКОЛА, 2018. 1166 с.
8. Багатурия Г. А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1981. №9.
9. Ковальзон М. Я. Социально-философский смысл понятия «производительные силы» // Вопросы философии. 1981. №4.
10. Марахов В. Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений. // Вопросы философии. 1981. №4.
11. Плетников Ю. К. О соотношении предмета труда и производительных сил. Проблема источников развития производительных сил // Вопросы философии. 1981. №4.
12. Плетников Ю. К. Послесловие // Диалектика производительных сил и производственных отношений. М.: Прогресс. 1977. 222 с.
13. Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Дискуссия вокруг производительных сил (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, №2. С. 197–214.

14. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль. 1970. 501 с.
15. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Издательство Московского университета, 1988. 328 с.
16. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 23., М.: Политиздат, 1960.
17. Момджян К. Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. М.: Изд-во МГУ, 2011. 510 с.
18. Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. №2.
19. Гальперин П. Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений и понятий // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1998. №2. С. 3–8.
20. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
21. Библер В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.
22. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
23. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
24. Сегал А. П. Генезис и структура обыденного сознания: дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 186 с.
25. Сегал А. П. Кто меняет меняющийся мир? О субъектах и агентах стратегических коммуникаций // Искусственные общества. 2019. Т. 14, №3.
26. Drucker P.F. Management Challenges for the 21st Century. 1 ed. New York: Harper Collins Publishers, 1999. 207 p.
27. Drucker P.F. The practice of management. 1 ed. New York: Harper & Row, 1954. 404 p.
28. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Сочинения. 2 изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955. С. 1–4.
29. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1968. 293 с.
30. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Сочинения. 2 изд. Т. 13. М.: ИПЛ. 1959. С. 1–167.
31. Багатурия Г. А. Маркс о предпосылках коммунистического преобразования общества // Вопросы философии. 1978. №5. С. 3–14.
32. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Сочинения. 2 изд. Т. 46, ч. 1. М.: ИПЛ, 1968.
33. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое образование. 2009. №3. С. 37–60.

REFERENCES

1. Cooley C.H. *Human nature and social order*. Moscow, Idea-Press, Dom intellektual'noi` knigi Publ., 2000, 320 c. (In Russ.).
2. Hegel G.F. V. *Phenomenology of the spirit*. Essays in 14 vol., vol. IV. Moscow, Publishing House of Socio-economic literature, 1959, 440 p. (In Russ.).
3. Dewey D. *Society and its Problems*. Moscow, Idea-Press Publ., 2002, 160 p. (In Russ.).
4. Vazyulin V.A. *Rational and rational thinking in the development of cognition*. Marxist-Leninist dialectics. Book 3: The Dialectic of the cognitive Process. Moscow, Publishing House of MSU, 1985, pp. 173–197. (In Russ.).
5. Segal A.P. *Karl Marx's dissertation as a research text and as an object of research. Preface to K. Marx's dissertation «The difference between the natural philosophy of Democritus and the natural philosophy of Epicurus»*. Moscow, Progress-Traditsija Publ., 2023, 296 p. (In Russ.).
6. Schramm W., Porter W.E. *Men, Women, Messages, and Media: Understanding Human Communication*. New York, Harper & Row Publ., 1982.
7. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutskaya N. *The Great Universal Dictionary of the Russian language*. Moscow, AST-PRESS-SHKOLA, 2018, 1166 p. (In Russ.).
8. Bagaturia G.A. The category of «productive forces» in the theoretical legacy of Marx and Engels. *Questions of philosophy*, no. 9, 1981. (In Russ.).
9. Kovalzon M. Ya. Socio-philosophical meaning of the concept of «productive forces». *Questions of philosophy*, 1981, no. 4. (In Russ.).
10. Marakhov V.G. Dialectics of productive forces and industrial relations. *Questions of philosophy*. 1981. no. 4. (In Russ.).
11. Pletnikov Yu. K. On the correlation of the object of labor and productive forces. The problem of sources of development of productive forces. *Questions of philosophy*, 1981, no. 4. (In Russ.).
12. Pletnikov Yu. K. *Afterword. to The Dialectic of Productive Forces and Industrial Relations*. Moscow, Progress Publ., 1977, 222 p. (In Russ.).
13. Nureyev R.M., Orekhovskiy P.A. The discussion around productive forces (The political economy of socialism: the cognitive impasse of the 1970s). *Topical problems of economics and law*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 197–214. (In Russ.).
14. Hegel G. V. F. *Science of Logic*. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1970, 501 p. (In Russ.).
15. Vazyulin V.A. *Logic of history. Questions of theory and methodology*. Publishing House of Moscow University, 1988, 328 p. (In Russ.).

16. K. Marx. Capital. Volume 1. Marx K., Engels F. *Essays*, 2nd ed., vol. 23., Moscow, Politizdat Publ., 1960. (In Russ.).
17. Momdjian K. H. *Social philosophy: an activity-based approach to the analysis of man, society and history*. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2011, 510 p. (In Russ.).
18. Schutz A. The structure of everyday thinking. Translated from English by E. D. Rutkevich. *Sociological essays*, 1988, no. 2. (In Russ.).
19. Galperin P. Ya. A general view on the doctrine of the so-called step-by-step formation of mental actions, representations and concepts. *Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology*, 1998, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.).
20. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Bakhtin M. M. *Collected works*, vol. 6. Moscow, Russkie slovari, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, 800 p. (In Russ.).
21. Bibler V. S. *Thinking as creativity. (Introduction to the logic of mental dialogue)*. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 399 p. (In Russ.).
22. Porshnev B. F. *On the beginning of human history (problems of paleopsychology)*. Moscow, Mysl Publ., 1974, 487 p. (In Russ.).
23. Smith A. *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. (In Russ.).
24. Segal A. P. *Genesis and structure of everyday consciousness: dis. ... candidate of philosophical sciences*. Moscow, 2014, 186 p. (In Russ.).
25. Segal A. P. Who is changing the changing world? About subjects and agents of strategic communications. *Artificial societies*, 2019, vol. 14, no. 3. (In Russ.).
26. Drucker P. F. *Management Challenges for the 21st Century*. 1 ed. New York, Harper Collins Publ., 1999, 207 p. (In Russ.).
27. Drucker P. F. *The practice of management*. 1 ed. New York, Harper & Row Publ., 1954, 404 p. (In Russ.).
28. Marx K. Theses on Feuerbach. *Works* 2 ed. vol. 3. Moscow, IPL Publ., 1955, pp. 1–4. (In Russ.).
29. Vazyulin V. A. *Logic of K. Marx's «Capital»*. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1968, 293 p. (In Russ.).
30. Marx K. A Preface to the Critique of Political Economy. *Works*, 2nd ed., vol. 13. Moscow, IPL Publ., 1959, pp. 1–167. (In Russ.).
31. Bagaturia G. A. Marx on the Prerequisites for the Communist Transformation of Society. *Questions of philosophy*, 1978, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.).
32. Marx K. Economic manuscripts of 1857–1859 (The original version of Capital). *Works* 2 ed., vol. 46, part 1. Moscow, IPL Publ., 1968. (In Russ.).
33. Habermas J. Max Weber's theory of rationalization. *Sociological education*, 2009, no. 3, pp. 37–60. (In Russ.).

Информация об авторах

Сегал Александр Петрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: segal.ap@philos.msu.ru).

Ли Вэньтай – аспирант философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: 2810989141@QQ.com).

Статья поступила в редакцию 26.02.2025

После доработки 06.05.2025

Принята к публикации 07.05.2025

Information about the authors

Alexander P. Segal – candidate of philosophical sciences, senior researcher of the department of philosophy of language and communication of the faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University (Training and Research Block «Shuvalov»), 1 Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: segal.ap@philos.msu.ru).

Li Wentai – postgraduate student at the faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University (Training and Research Block «Shuvalov»), 1 Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: 2810989141@QQ.com).

The paper was submitted 26.02.2025

Received after reworking 06.05.2025

Accepted for publication 07.05.2025